

Цзян Яо лишь на мгновение замерла, её взгляд скользнул по коленям служанки.

— Не болят?

Хуа Байхэ: ...Ох, ну не надо же мне об этом напоминать!

Лицо её переменилось, но она не стала прерываться и продолжила прямо:

— Ваше Величество! Если так пойдет и дальше, у меня... у меня просто не хватит достоинства продолжать жить на этом свете!

Цзян Яо усмехнулась, несколько секунд пристально смотрела на неё, а затем холодно произнесла:

— Ты посмеешь?

В душе Хуа Байхэ охватил ужас, но внешне она постаралась сохранить вид добродетельной и несгибаемой женщины: голова опущена, зато спина прямая, как струна.

Цзян Яо смотрела на неё несколько мгновений, а затем резким движением откинула одеяло, лежавшее на полу.

Под ним, ярко поблескивая, лежала шпилька, лепестки её сливового цветка уже успели помяться.

Хуа Байхэ: ...!

Цзян Яо наклонилась, подняла сломанное золотое украшение. На её лице не дрогнул ни один мускул, лишь голос прозвучал равнодушно:

— Неудивительно, что еще несколько дней назад ты была такой покорной, а сегодня вдруг решила идти на смерть. Оказывается, ты уже давно всё продумала, чтобы сбежать от меня.

Хуа Байхэ: ...Правда, если я скажу, что решение пришло спонтанно, ты поверишь?

Она набралась смелости и ответила:

— Ваше Величество, я лишь заботилась о вашей репутации...

— Эта шпилька, — перебила её Цзян Яо, подняв взгляд. На её холодном лице не осталось и следа привычной нежности, а глаза стали бездонными. — Я собиралась подарить её тебе сегодня вечером.

Хуа Байхэ: ...Прекрасно. Мало того, что она только что упустила шанс разбогатеть на сотни миллионов, так еще и лишилась заколки из чистого золота 24 карат.

— Сегодня твой день рождения, — глубоко глядя на неё, добавила Цзян Яо.

Хуа Байхэ сухо отозвалась:

— ...И правда, отличный, просто замечательный денек.

Цзян Яо хмыкнула:

— В тот день, по глупости, я тайком сбежала из княжеской резиденции вместе с Цзян Чжэньхаем и попала в лапы разбойников. Ты тогда была всего лишь нищенкой, но не побоялась постучать в ворота резиденции, чтобы позвать на помощь.

Хуа Байхэ: ...Откуда у неё такой богатый бэкграунд для драмы!

— Ваше Величество, я совсем не так благородна, как вы думаете. Просто тогда я была в отчаянии и умирала от голода, вот и решила ухватиться за такую опору, как княжеская резиденция, — попыталась оправдаться она.

Цзян Яо посмотрела на неё, улыбнулась и произнесла:

— Я не хочу этого слышать. Неважно, искренна твоя преданность или нет, и зачем ты пришла в резиденцию тогда, просто запомни: теперь ты принадлежишь мне.

С этими словами она толкнула Хуа Байхэ обратно на кровать и, под её испуганным взглядом, безжалостно сорвала только что надетое платье, вновь увлекая её в пучину желаний.

...

На рассвете.

Цзян Яо посмотрела на изнуренную до предела и крепко спящую Хуа Байхэ, вздохнула и поднялась с постели. У неё было еще много дел.

Как только она ушла, Хуа Байхэ тихо открыла глаза. Увидев Хуаньси, которая подошла, чтобы помочь ей подняться, она застыла и невольно проронила две слезинки.

Хуаньси испугалась и прошептала:

— Цинцзя...

Лицо Хуа Байхэ исказилось от боли:

— Хуаньси, ты ведь столько лет служишь вместе со мной, мы обе видели, как она шла к своей цели. Неужели ты позволишь, чтобы её репутация была разрушена из-за меня?

Хуаньси была потрясена её словами, на её лице отразилась такая же мука. Оглядевшись по сторонам, она прошептала:

— Цинцзя, я знаю, что ты не хочешь носить такое клеймо, но мы обе преданы госпоже, я просто не могу пойти против неё...

Хуа Байхэ вздохнула:

— Я знаю. Поэтому не волнуйся, я не втяну тебя в это.

Затем она шепнула Хуаньси свой план. Глаза той расширились, но вскоре на лице появилось решительное выражение:

— Хорошо, беги как можно дальше!

Спустя четверть часа.

Обе девушки в замешательстве смотрели на кувшин с вином, в котором никак не растворялся, а лишь сбивался в комки порошок для одурманивания.

Хуа Байхэ: — Погоди, Система, почему всё не так, как в сериалах? Разве по сюжету я не должна была просто сыпануть порошок в воду, чтобы он мгновенно и бесследно растворился? Что это за подделка, которая превращается в камни?!

...

— Я смотрю, ты решила провернуть двойное дельце: сначала отправить Цзян Яо на тот свет вслед за императором, — Система не успела вмешаться, а теперь, глядя на нерастворившуюся кучу порошка, заподозрила, что Хуа Байхэ решила просто прикончить императрицу.

Хуа Байхэ: — Ты перегибаешь. Как я могу собственноручно погубить свое счастливое будущее? Как только я доберусь до императора и закончу дела, я сразу вернусь и покаюсь.

Система была в шоке: — Ты еще и вернуться хочешь?

Хуа Байхэ ответила с невинным видом:

— Императрица специально искала для меня эти сокровища, я даже не успела всем воспользоваться. Мама с детства учила меня: если вещь куплена, её нужно использовать. Система, как ты можешь прививать мне такие расточительные привычки? Ты что, хочешь меня испортить?

Система: — ...

Глубоко вздохнув, она холодно ответила:

— Побег из дворца для служанки — это смертная казнь.

Хуа Байхэ: — ...О!

На её лице промелькнула печаль. Она велела Хуаньси слить большую часть содержимого кувшина, разбавить остатки вином, и, наконец, жидкость стала выглядеть как обычный напиток.

Оставалось лишь дожидаться обеда Цзян Яо. План ночного побега провалился, теперь она могла рассчитывать только на время трапезы.

...

В полдень.

Цзян Яо начала готовиться к поездке на северо-запад. Император был при смерти, и война только начиналась. Она не была уверена, что Цзян Чжэньхай справится, поэтому решила сама отправиться на фронт под предлогом ухода за больным.

Что касается дел в столице, хоть ей и не хотелось, но Шэнь Цинъюй была полезнее, чем наложница Лян.

Когда приказы были отданы, Хуа Байхэ получила данные от Системы. Вернувшись из кабинета в покои, Цзян Яо застала Хуа Байхэ молча сидящей за столом перед богатым угощением.

За эти дни она привыкла к своему неловкому положению между служанкой и наложницей, перестала настаивать на том, чтобы прислуживать Цзян Яо во время еды, и научилась послушно ждать её.

Цзян Яо осталась довольна. Однако, взглянув на почти безжизненное лицо Хуа Байхэ и её потухшие глаза, она почувствовала неприятный укол.

Цзян Яо подошла к столу, бросила взгляд на стоявший рядом кувшин с вином и спросила Хуаньси:

— Почему вино?

Хуа Байхэ взяла ответственность на себя:

— Это была моя идея.

В последнее время Цзян Яо не позволяла ей прислуживать или падать на колени, словно пытаясь вытравить из неё рабскую натуру, но та лишь молча ела, не проявляя инициативы.

Цзян Яо была удивлена, ведь это была первая просьба Хуа Байхэ, но, вспомнив вчерашнюю неудачную попытку побега, усмехнулась:

— Что, хочешь утопить горе в вине?

Хуа Байхэ тихо ответила:

— Ваше Величество, вы слишком много думаете. Я просто слышала, что во дворце есть тутовое вино, и попросила Хуаньси принести немного попробовать. Я и так получила милость, которой другие могут лишь завидовать, какие у меня могут быть печали?

Хотя слова звучали именно так, на её лице не было ни тени «льстивого восторга».

Цзян Яо раздражала эта её упрямая манера не пытаться выглядеть искренней, даже когда она лжет. Но после вчерашней ночи она не хотела снова срываться на неё, поэтому подавила недовольство и села за стол.

Перед Хуа Байхэ стоял кубок, наполненный пурпурным вином. Она не стала брать палочки, а просто взяла кубок и залпом осушила его, словно пила обычную воду.

— Кхм, кхм-кхм...

Кубок с грохотом опустился на стол. Хуа Байхэ с момента прибытия в этот мир почти не пила, и поперхнуться было закономерно.

Возможно, из-за того, что она долго не видела солнца и была прикована к постели, её кожа казалась бледной, отчего яркий румянец на щеках стал еще заметнее. Она так сильно закашлялась, что чуть не свалилась со стула, а когда наконец пришла в себя, первым делом извинилась перед Цзян Яо:

— Прошу прощения, Ваше Величество, я заслуживаю смерти.

Цзян Яо поджала губы. Когда Хуа Байхэ потянулась за кувшином, чтобы налить вторую чашу, она перехватила её руку и холодно приказала:

— Больше не пить.

Хуа Байхэ невольно проводила взглядом кубок в руке госпожи и прошептала:

— Я просто поперхнулась. Раз уж налила вторую, не хотелось бы переводить добро.

В конце концов, слуги не господа, у них нет доступа к роскоши, и всё, что им остается — это беречь то, что было пожаловано сверху.

Цзян Яо нахмурилась, глядя, как Хуа Байхэ дерзко пытается дотянуться до кубка, и сама осушила его до дна.

Поставив пустой кубок на стол, она повторила:

— Хватит пить. Ешь.

Хуа Байхэ смотрела на неё, про себя считая:

— Один... два...

Цзян Яо, не меняясь в лице, выбирала еду серебряными палочками. Заметив взгляд служанки, она посмотрела в ответ, словно спрашивая: что такое?

Хуа Байхэ моргнула и отвела глаза, продолжая счет:

— Два с половиной... Ну же, отключайся.

— Два и восемь! Да почему ты не падаешь?!

Хуа Байхэ нервничала, а Цзян Яо, невозмутимо попробовав холодную закуску, потянулась за куском свинины, но вдруг замерла.

Глаза Хуа Байхэ загорелись — она решила, что лекарство подействовало. Но Цзян Яо искоса взглянула на неё и усмехнулась:

— Чего ты ждешь?

Сказав это, она положила выбранный кусок мяса в её чашку.

Хуа Байхэ невольно моргнула и искренне спросила:

— Ваше Величество, вы выпили чашу вина, вам не дурно?

Цзян Яо хотела было спросить: «Столько лет со мной, ты что, не видела, как я пью на праздниках?», но осеклась.

Взгляд Цзян Яо пробежался по столу, в её глазах появилась настороженность. Затем она резко перевела взгляд на кувшин у руки Хуа Байхэ. В воздухе запахло грозой:

— Цинцзя, как ты посмела...

Хуа Байхэ в душе проклинала того, кто продал Хуаньси поддельное зелье — лучше бы ему не попадаться ей на глаза.

Она хотела что-то придумать, но Хуаньси в углу с грохотом упала на колени и задрожала:

— Ваше Величество! Это не имеет отношения к Цинцзя! Это всё моя вина!

Хуа Байхэ: ...Не бойтесь врагов, бойтесь таких союзников.

Она в отчаянии посмотрела на Цзян Яо, думая о том, сможет ли Лю Е удержать власть, пока она сама будет приходить в себя после всего этого.

Но в следующую секунду ярость на лице Цзян Яо словно застыла. Она оперлась на стол, но мир перед глазами потемнел, и она начала заваливаться вперед.

Хуа Байхэ выдохнула, быстро поднялась и подхватила её, укладывая на кровать.

Хуаньси в ужасе поднялась с пола, от страха у неё заплетался язык:

— Ваше... ваше...

Хуа Байхэ не оборачиваясь, отрезала:

— Ваше что? Ты еще хочешь со мной попрощаться?

Хуаньси прошептала:

— ...Величество. Что теперь делать? — она нервно теребила пальцы.

Хуа Байхэ задумалась и пошла к углу комнаты. Увидев, что она открывает сундук из темного дерева, Хуаньси попыталась остановить её:

— Цинцзя, забирать казенные вещи запрещено...

Хуаньси замолчала, глядя на Хуа Байхэ... и на изящный, но грубоватый кусок нефрита в её руках.

Её взгляд говорил: не ожидала, что ты, Цинцзя, такая вот.

Система, получив порцию цензуры, долго молчала, прежде чем произнести:

— В конце концов, больше всего тебе жалко этот сундук с сокровищами.

Хуа Байхэ, роясь в сундуке, не имела времени отвечать на многозначительный взгляд Хуаньси и хихикнула Системе:

— Конечно! Больше мы не увидимся, я должна оставить себе хоть что-то на память.

Но в итоге, так как её любимый нефрит было неудобно нести, она с сожалением взяла лишь несколько мелких золотых и серебряных вещей, а затем вернулась к кровати и сняла с пальца Цзян Яо кольцо — внутри его полого узора скрывалась крошечная печать, равносильная приказу самой императрицы.

Хуа Байхэ хотела взять Хуаньси с собой, но та была слишком предана императрице:

— В том, что случилось сегодня, я виновата до смерти. Госпожа так хорошо ко мне относилась, я всё помню. Когда она проснется, я приму любое наказание.

Хуа Байхэ вздохнула и на прощание сказала:

— Если она решит тебя казнить, скажи ей, что я отправилась в военный лагерь.

Всё равно, когда императрица доберется туда, её миссия будет выполнена. А дальше — пусть играет, как хочет, она будет подыгрывать! Может, даже получится открыть новые способы «заточения».

От одной этой мысли Хуа Байхэ задрожала от восторга.

...

Спустя полтора часа карета выехала из столицы.

Цзян Яо резко открыла глаза и, борясь с головокружением, позвала слуг.

Хуаньси послушно поднесла чашу воды, почтительно склонившись:

— Ваше Величество, я помогла Цинцзя сбежать, я заслуживаю смерти, прошу, накажите меня.

Цзян Яо отмахнулась, чаша упала и разбилась. Её голос, полный ярости, охрип:

— Хуаньси совершила измену. Тридцать ударов палками, отправить в Синьчжэку. С этой минуты она больше не будет прислуживать мне.

Хуаньси закрыла глаза:

— Слушаюсь...

Когда в покоях сменилась прислуга, Цзян Яо отдала приказ:

— Позовите Цзян Дэшэна. И пусть начальник стражи принесет мне список всех, кто сегодня покинул дворец. Передайте мой указ: отныне, если где-либо в народе обнаружатся казенные вещи, виновных арестовать и доставить во дворец.

Слуги разошлись. Цзян Яо смотрела на имя «Цинцзя» в списке ушедших и скрежетала зубами.

...То, что другие вымаливали как величайшую милость, для тебя стало обузой, да?

Посмотрим, как далеко ты убежишь с теми грошами, что я тебе дарила.

...

В это же время.

Хуа Байхэ, переодетая в простую одежду, вышла из кареты, которая чуть не вытрясла из неё душу, и вошла в ломбард.

Прозвенел колокольчик, приказчик улыбнулся:

— Чем могу помочь, госпожа?

Хуа Байхэ выложила на стойку тяжелый сверток. Приказчик, почувствовав вес и форму предметов, понял, что вещей много. Он с любопытством развернул его — и глаза его расширились.

Больше всего его поразили не драгоценности, а дизайн изделий.

Женщина, пришедшая продавать их, спокойно спросила:

— Сколько я могу получить за это серебром?

Приказчик опешил, не зная, от чего он в большем шоке — от количества денег или от того, что такие дорогие игрушки попали в руки простой женщины.

Система запоздало спросила:

— Ты что, специально выбирала в сундуке вещи без клейма императорского двора?

Хуа Байхэ с невинным видом ответила:

— Ну что за вопросы? Ты что, думаешь, я из тех, кто любит трудиться? Если бы я взяла помеченные вещи, что бы я делала, если бы меня поймали люди Цзян Яо?

Система не нашла, что ответить на её «праведный» тон.

Хуа Байхэ постучала по стойке:

— Приказчик?

Тот вздрогнул, приходя в себя:

— Сделка слишком крупная, мне нужно посоветоваться с хозяином. Подождите, пожалуйста.

Он ушел в заднюю комнату и вскоре вернулся с мужчиной в синем халате. Тот, вооружившись лупой, подошел с дежурной улыбкой, но, взглянув на сверток, застыл:

— Это...?!

Откуда у неё такие сокровища!

Хуа Байхэ невозмутимо пояснила:

— Мой господин сейчас испытывает финансовые трудности. Сами понимаете, такими вещами расплачиваться неудобно, вот он и прислал меня обменять их на векселя.

Хозяин ломбарда понимающе кивнул. Он велел приказчику взвесить золото и серебро, назвал цену, затем внимательно осмотрел нефрит и оценил его.

Хуа Байхэ, сверяясь с ценами Системы, поняла, что её не обманывают, и, получив несколько тысяч лян серебром, покинула ломбард.

<http://bllate.org/book/22171/2309623>